

бы, чтобы все это было востребовано, поскольку такой подход не рассчитан на получение детальной информации об изучаемом предмете. Изучению образования еще больше мешает то, что наши знания об афинской культуре настолько же динамичны и разнообразны в одних аспектах, насколько и неполны в других. Платон и Аристофан представляют яркую вымышленную картину образования в конце V в. до н.э. Если мы добавим к ней несколько отрывков из Ксенофонта и Аристотеля, большое количество ваз, изображающих мужчин, женщин и детей, читающих, играющих на лире и занимающихся легкой атлетикой, и пару связанных с обучением археологических находок, то возникает соблазн воспользоваться результатом такой синтетической процедуры, как вполне отчетливой зарисовкой организации образования в афинском обществе этого времени.

Ряд историков восприняли этот синкретический подход. Однако результаты оказываются малоприменимы по отношению к разным жанрам, содержанию и выраженным в источниках мнениям. Не все из них понимают под «образованием» одно и то же, включают в это понятие одни и те же элементы или придерживаются одинакового мнения по их поводу¹. Точно так же и в случае с современными данными по систематике образования: непонятно, какие ее элементы следует считать принадлежащими друг к другу, а какие нет; какие элементы могут или должны быть дополнены другими; какие, если таковые имеются, являются обязательными по закону или неформальному согласованию.

Дальше пойдет речь о систематике, а именно о развитии из традиционных мусических искусств (*mousikê*)² типа образования, основанного на грамотности. В другой работе я уже подробно рассматривала содержание этого вида образования, утверждая, что имеющиеся

¹ В. Йереп (*Paideia*, trans. G. Hight, 3 vols, Oxford, 1939–45) блестяще описывает интеллектуальную культуру в целом и только между прочим образование. Р. Пфайфер (*History of Classical Scholarship*, Vol. I. – Oxford, 1968) также рассматривает образование как институт. Марру (см. сноску выше) рассматривает все формы образования, в том числе физическое и профессиональное, в неизбежно краткой форме, но его книга по-прежнему остается лучшей в этом отношении. И другие: F. A. Beck (см. сноску выше); J. Bowen, *A History of Western Education*, vol. I (London, 1972); K. Freeman, *Schools of Hellas* (London, 1907).

² Автор использует целый спектр оригинальных слов (*mousikê*, *grammata*, *gymnastikê*, *grammatistês*, *kitharistês* и *paidotribês* и др.), которые в большинстве случаев заменены на знакомые русскоязычному читателю эквиваленты (мусические искусства, грамматика, гимнастика, учитель грамоты, игры на кифаре или гимнастики), где в первом употреблении оригинальное слово дано в скобках, но в некоторых оставлены без перевода – там, где многозначность термина не дает возможности передать его одним словом. – *Прим. пер.*

свидетельства указывают на все более и более систематизированный характер чтения, письма и арифметических упражнений, которые преподавались в конкретных учреждениях в течение IV в. до н.э.¹ В данной статье мои вопросы шире: существует ли форма обучения в Афинах классического периода, основанная на грамотности, или для которой необходима грамотность? Если да, то когда она впервые появляется? Какие еще элементы образования связаны с ней? Как образец меняется с течением времени? Начиная с эллинистического периода и в течение всего периода Римской империи, мы видим в литературных и нелитературных источниках нечто похожее на «учебную программу», охватывающую обучение грамоте и счету и отграниченную от физического, технического и профессионального образования². Насколько эллинистический период унаследовал эту классификационную систематику от Афин классического периода?

По сравнению со многими исследованиями, я предлагаю узкое определение проблемы, и оно ведет к суженному использованию источников. Конечно, большинство письменных памятников классического периода, так или иначе, в то или иное время фигурируют в широком педагогическом контексте. Наш взгляд, однако, заключается в том, что образование воспринималось тогда как отдельная социальная или культурная деятельность – не как своего рода обучение, которое осуществляется постоянно и повсеместно, а как нечто подобное гимнастике, которую можно определить по месту, участникам или деятельности; то, что люди сознательно выбирают, а не принимают неизбежно как носители культуры. Ко времени самых ранних наших источников от V в. до н.э. эта концепция образования уже существует,

¹ Morgan T. *Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds* (Cambridge, 1998), pp. 9ff.

² Cicero, *De Or.* 1.42; Philo, *De Cong.* 11–12; Quintilian, *Institutio Oratoria* 1 *passim*; папирусы из греко-римского Египта см. у T. Morgan (см. сноску выше). Элементы «учебной программы», обозначаемой словосочетанием *enkyklios paideia*, начиная с эллинистического периода, включают чтение и письмо, чтение греческих и латинских авторов, грамматику, риторику, арифметику, геометрию и иногда музыку. Я исключаю философию, риторику на ее самых продвинутых этапах и астрономию на том основании, что учебный материал нельзя отличить от материала, используемого профессионалами, учеными и т.д. Термин «учебный план» относится только к осознанному порядку в содержании и последовательности упражнений; он не имел никаких последствий для других институциональных особенностей образования. В отличие, например, от Lodge R.C. *Plato's Theory of Education* (London, 1947), pp. 11–12, у которого в приводимых им источниках нет указания на то, что образование *само по себе* всегда определялось как учреждение, отделенное от остального общества.

и мы постоянно находим учеников, специально идущих куда-то с целью узнать что-то особое от конкретного учителя. Чтобы отследить этот процесс, я отбросила много информации о книжной культуре в Афинах в целом. В условиях, когда наши источники настолько ограничены, такое действие может показаться парадоксальным, если не предосудительным. Но оно необходимо, если мы хотим отграничить образование как отдельный феномен от культуры, служащей ему фоном, и, в особенности, сопутствующей периферийной деятельности небольшого числа интеллектуалов и профессионалов, которая так непропорционально широко представлена в наших источниках.

Систематика образования на основе грамотности. Я предположила, что к V в. до н.э. уже существовало нечто определяемое как «образование» в таком узком смысле. Однако понятие «образование, основанное на грамотности» впервые появляется в источниках только во второй половине V в. до н.э. Надо признать, что наша информация об этом периоде не слишком обширна. Мы почти ничего не можем сказать о каком-либо отрезке V в. до н.э. без опоры на практику IV в. до н.э., а этого следует избегать, если мы хотим понять, насколько мало мы действительно знаем по сравнению с привлекательной массой того, что мы хотели бы узнать. Существующие свидетельства сами по себе имеют проблемы, концентрирующиеся в принятом Аристофаном сатирическом модусе и в архаизирующем модусе Платона. Конечно, обнадеживает тот факт, что эти два модуса часто согласуются между собой.

Дискуссия о двух логосах в «Облаках» Аристофана (889ff.) подкрепляет некоторые из наших ранних бесспорных свидетельств об образовании на основе грамотности. В соответствии с «наилучшим обоснованием» (*kreittôn logos*), в «былые времена» учителя гимнастики и учителя игры на кифаре (*kitharistês*) было вполне достаточно для молодых людей; теперь же они отказываются от гимнастики и лиры в пользу Еврипида¹. Учителя игры на кифаре преподавали музыку,

¹ Должно быть, «былые времена» были связаны с поколением марафонцев; в то время как «Облака», впервые представленные в 423 г., кажется, представляют достаточно современное пространство между двумя поколениями – «тогда» и «сейчас». Когда появилось то, что Аристофан назвал «новым образованием»? Софистов еще не было в Афинах до 460-х гг. и позже, поэтому маловероятно, что «новое образование» воспринималось как оказавшее существенное влияние до 440-х гг. и, возможно, не слишком негативное воздействие немногим после смерти Перикла в 429 г., когда влияние софистов на поведение политиков стало более очевидным. Мы вполне можем рассматривать это как проблему, если не конкретный феномен, самое большее последней трети пятого века.

которая, вероятно, включала поэзию, пение, танцы и игру на инструменте и которая, очевидно, также имела этическое измерение¹. Нет возможности предполагать, что грамотность была фундаментальной или даже центральной в этой группе дисциплин, хотя она могла быть включена в их число. Судя по тому, как принятое мнение (*logos kreittôn*) описывает образование, последнее могло быть полностью устным (*Knights*, 188–193).

Тем не менее натянутость в этой традиционной систематике очевидна. Еврипид каким-то образом вытесняет лиру из образования. Далее в «Облаках» Фидиппид декламирует Еврипида на пиру, вместо того чтобы петь Эсхила или Симонида, которые, по его утверждению, вышли из моды (1361ff.). Здесь различие не выражено как разница между устным и письменным модусами культуры, но в других фрагментах Еврипид у Аристофана четко связан с чтением, снижающим роль гимнастики². Аристофан также подразумевает соперничество между гимнастикой и музыкой, когда он заставляет Сократа запрещать своим приближенным в фронтистериионе (*phrontistêrion*) заниматься гимнастикой (*Clouds*, 412ff.). Не следует предполагать, что грамотность в Афинах резко возросла в середине V в. до н.э., чтобы оценить эти признаки напряжения, но они подразумевают усиленное посредничество культуры и, как следствие, весьма вероятно, культурное образование через письменное слово³. То, как тесно устные и письменные модусы культуры сосуществовали в этот период, отражено в повествовании Платона о раннем сократическом само-

¹ Предполагают, что возросла безнравственность. Об этическом использовании литературы с доклассических времен см.: Мэппу (см. сноску выше), с. 9–13; Пфайффер (см. сноску выше), стр. 3–15. См. также: «Всадники» 987–95.

² *Frogs* 52–4 (Дионис сидит на полу, читая *Андромеду*); 1113 (у каждого в руке есть книга, и никто больше не занимается гимнастикой).

³ L. Woodbury, 'Aristophanes' *Frogs* and Athenian literacy', *TAPhA* 106 (1976), 349–57; более правдоподобно, чем у F.D. Harvey, 'Literacy in the Athenian Democracy', *REG* 79 (1966), 585–635, чей аргумент хотя и не является доказательством, ведет к выводу, что афинская грамотность была широко распространена. Пятый век отличается неожиданно большим количеством ваз со сценами чтения, но это тоже следует с осторожностью интерпретировать. В целом таких сцен немного, в сравнении, например, со спортивными, военными, мифическими или бытовыми сценами. Многие из них являются одними из самых сложных изображений, которые предлагались богатой аудитории и которыми мы обладаем. И тот факт, что сцены чтения стали узнаваемым изображением в начале пятого столетия, свидетельствует о революции в обществе в плане грамотности, которая сопровождала демократию (или даже слегка предрешила ее); на практике же это не свидетельствует о повсеместной грамотности.

образовании. Сократ описывает себя через разговоры с мудрецами, провидцами, учителями, поэтами, ремесленниками и чтение трудов Анаксагора¹.

Платон в двух отрывках, описывающих середину V в. до н.э., делает аналогичное различие между мусической и физической подготовкой. В «Меноне» (94b) он утверждает, что Перикл учил своих сыновей верховой езде, борьбе, *mousikê* и другим технэ (*technai*). Фукидид описывает обучение своих сыновей борьбе и «всему остальному», которое, вероятно, включало в себя ту или иную форму мусических искусств (94c). В «Государстве» (376e) образование, как говорят, следует «почетному отличию» между физической подготовкой и умственным или нравственным воспитанием, куда Платон собирается включить совершенствование в поэзии, музыке, математике и диалектике². Такое же разделение сделано в «Законах» (764c-e, 795d-e).

Другие авторы IV в. до н.э. тоже дают это отличие. Эсхин (*Tim.* 9–12) ссылается на закон, касающийся регулирования деятельности палестр, с одной стороны, и школ, где проводятся праздники муз, с другой стороны, подразумевая, что это отличие относится ко всем местам обучения детей за пределами дома³. Для Исократа человеческая природа двойка: духовное и физическое есть естественная дихотомия, отражающаяся в разделении образования на гимнастику и философию (*Antid.*, 180-1). Аристотель, по-видимому, признает ту же двойственность, когда пишет, что если государство не обеспечит образование (как он мыслит, оно должно это сделать), отцы должны будут продолжать обеспечивать сыновьям *mousikê* и *gymnastikê*⁴.

¹ *Apol.* 20d6ff., 26. Это может иметь место в любое время примерно с 430-х гг. Но мы не должны воспринимать это как доказательство широкого распространения этого текста в этот период в целом. Утверждение о том, что каждый может их читать – а они стоят на агоре всего лишь драхму – звучит подобные высокомерному элитизму Платона. Драхма в то время представляла собой, по крайней мере, ежедневную заработную плату рабочего: Сократ мог потратить дневную зарплату на книгу, но никак не многие. См.: N. Lewis, *Papyrus in Classical Antiquity* (Oxford, 1974), p. 132; A.H.M. Jones, *Athenian Democracy* (Oxford, 1957), см. сноску выше.

² Платон намеренно архаичен – в другом месте мы видим это в радикальной форме. Его двойственное отношение к буквам и книгам часто заставляет Платона игнорировать их значимость.

³ Время этого закона неопределенно, поэтому нет никаких оснований полагать, что это эпоха Солона как Эсхин хотел бы, чтобы мы полагали. Платон (*Crito* 50c4ff.) дает другую интерпретацию предполагаемого закона Солона о пайдейе, не более авторитетную, чем интерпретация Эсхина.

⁴ N.E. 1180a25ff.; Pol. 137a34ff.

У некоторых из этих же авторов мы находим отличие между практическим, т.е. техническим образованием, и тем, что мы можем называть «гуманитарным». Платон и Аристотель иногда отграничивают образование для свободного человека и собственно частного гражданина от образования ремесленника, работающего на других (*dēmiourgos*)¹. В других местах грамматика (*grammata*), музыка, гимнастика, игра на лире или их комбинация определяются как образование, подходящее для ничем не занятых (*eleutheroi*) или ни к чему не годных (*idiōtai*)². Аристофан играет с этой идеей во «Всадниках» (1235ff.):

- «– И вот о чем сперва я вопрошу тебя: Ходил к какому в детстве ты учителю?
 – На бойне вразумлен я колотушками.
 – ...Чему ж, скажи, в палестре обучался ты?
 – Укравши, отпираться с дерзкой рожею.
 – ...А чем же промышлять ты начал, выросши?
 – ...колбасами»³

Шутка кроется в неподобающем характере ответов колбасно-продавца, на основании которых можно сделать вывод о том, что практическое образование, обучающее ученика выживать и зарабатывать на жизнь в жестоком мире, является противоположным образованию, которое можно было бы ожидать от наставника (*didaskaloi*) и учителя гимнастики (*paidotribai*). На основании этого отрывка мы не можем быть уверены в том, относят ли профессиональную подготовку к низким узкопрофильным занятиям, или же она является третьим измерением широкого гуманитарного образования для свободных граждан. Такие профессии, как медицина, часто отличаются от узкопрофильных навыков и признаны в наших источниках как требующие специальной подготовки, но обучение им редко обсуждается в источниках в связи с литературным образованием или постижением культуры. Наиболее вероятным кажется то, что и узкопрофильную, и профессиональную подготовку следует отличать от образования, основанного на литературном каноне грамотности, которое, в свою очередь, укрепляет элитарный образ начитанной и текстуально-«книжной» образованности, о последствиях которой мы еще скажем далее.

¹ Protag. 312a-b; Arist. Pol. 1337b23ff. отвергает низкое (*banaisikê*) образование как мешающее разуму. См: Plutarch, *Eumenes 1* об Эвмене из Кардии, который, будучи бедняком, получил образование свободного человека (*eleutheros*) через книги и палестру.

² Aristoph. *Kn.* 190-3; Plato, *Protag.* 312a-b; Xen. *Oec.* 4.2; Arist. *Pol.* 1332b12ff., 1334a23-4, 1337b4ff.; Plut. *Demos.* 4.3; *Solon* 1.3-4; *Eumenes* 1.1; *Phocion* 4.1-2.

³ Прив. по: Аристофан. Всадники / пер. А. Пиотровского // Комедии. Фрагменты. – М.: Ладомир, Наука, 2008. – С. 137–138. – *Прим. пер.*

Поворотным пунктом в распространении грамотности в образовании выступает в наших источниках начало IV до н.э. «Гимнастика» и «музыка» объединяются в диаду и постепенно перерастают в триаду, состоящую из гимнастики, музыки и грамматики. С самого начала появление в IV в. до н.э. *grammata* (изначально – «буквы») связано с чтением поэтов и других авторов¹. В этом мы можем видеть первый шаг длительного процесса, кульминацией которого является фактическое исключение «музыкального элемента» (в современном смысле) *mousikê* (игры на музыкальном инструменте и пения) из эллинистического обучения грамоте². Однако в предшествующую часть классического периода *grammata* букв и *mousikê* звуков заявляли о необходимости совместно обучать поэтов и прозаиков. Насколько они воспринимались как взаимодополняющие, а насколько – как конкурирующие, мы не можем судить.

¹ Нигде ранее в источниках не указывалось, как часто подразумевалось, что грамматика находится на самом раннем этапе образования и что когда-то ученики учились читать тогда же, когда учились музыке. Отличие между ними размыто; чтение литературы часто упоминалось непосредственно после обучения чтению и письму без указания на изменение дисциплины или учителя. И учителя грамоты, и грамματοδιδασκαλοι учили грамотности. От более поздних хронологических периодов у нас есть многочисленные доказательства того, что строки из литературы использовались в самых ранних, элементарных упражнениях по письму: P1. *Prot.* 325d-326a; *Charm.* 159c; *Isoc. Antid.* 267; *Soph.* 10. A.D. Booth ('Douris' cup and the stages of schooling in Classical Athens', *EMC19* [1985], 275–80) спорит о слишком незначительном свидетельстве в «Законах» и сомнительном заключении в «Протагоре», где ученики сначала шли к учителю грамоты, а затем к учителю игре на кифаре. Во всем широком диапазоне ссылок нет четкого единообразия, поэтому он прав, отказываясь опровергать простую синхронию. Ранняя эллинистическая надпись из Теоса (SIG 3.578.8-20), которую он цитирует в поддержку своих аргументов, сама по себе неоднозначна; даже если бы она ясно утверждала о последовательном обучении письму и музыке, это не помогло бы для классического периода, поскольку это именно те образовательные институты, которые развиваются со временем. Смысл надписи заключается в том, что письмо фундаментально, поэтому первично, в то время как музыка опциональна; такой ее смысл вполне соответствовал бы свидетельствам литературных памятников и папирусов начиная с эллинистического периода и далее.

² «Музыкальное» у более поздних авторов, по-видимому, относится к теории музыки, а не к практике; такое обучение было относительно редко и, вероятно, ограничивалось очень богатыми людьми, вовсе отсутствуя потому в школьных папирусах. Однако пение могло использоваться, чтобы преподавать вокальное произношение в ораторском искусстве, а именно Quintilian, I.O. 1.10.27.

Платон, вероятно писавший в 390-е гг., возводит тройное разделение образования к 430-м гг. – дате происходящего в «Протагоре». В этом диалоге он описывает образование Гиппократата (312a-b) под присмотром учителей грамоты (grammatistês), игры на кифаре (kitharistês) и гимнастики (paidotribês). Далее Платон рассказывает о том, как дети изучают буквы, читают (именно!) литературу и ходят к учителю игры на кифаре и учителю гимнастики, как если бы это были отдельные занятия (325e–326b). В «Клитофоне» (407b-c) Сократ обвиняет афинян, думающих, что их дети достаточно хорошо образованы, если они освоили чтение, мусические искусства и гимнастику; то, что Сократ считает необходимым добавить к этому перечню, – это не другой предмет, а воспитание добродетели, пронизывающее все остальное. Отрывок из «Хармида» (159c) включает обмен:

- «– А какое свойство является более прекрасным для учителя грамматики – писать соответствующие буквы быстро или медленно?
 – Быстро.
 – А читать? Быстро или медленно?
 – Быстро.
 – А быстро играть на кифаре и стремительно побеждать в борьбе ведь прекраснее, чем делать то же самое спокойно и медленно?
 – Да»¹

В этом фрагменте знание букв и чтение могут или не могут быть отдельными элементами образования, но вместе они описываются в трехмерном образовании вместе с игрой на лире/кифаре и физическим воспитанием.

События, происходившие во всех диалогах Платона, относят к V в. до н.э. по причине того, что Сократ и большинство других появляющихся в них персонажей в 390-е гг. и позже (время их составления) были либо мертвы, либо сбежали, либо были в опале. Поэтому мы не можем связывать множество хронологических утверждений о пятом веке с Платоном: ему слишком легко рассуждать, зная более поздние события. Если и существует исключение, то это может быть разновидность утверждения, сделанного вскользь о конкретных людях, таких как Перикл или Фукидид: Платон мог располагать информацией из традиции или аристократической памяти о реальных действиях Перикла. Речи, которые Платон вкладывает в уста главных героев, чтобы развивать главный довод диалога – это другой вопрос.

¹ Прив. по: Платон. Хармид / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 303. – *Прим. пер.*

Аристофан, пишущий в 420-х годах, нигде не дает никаких указаний на оформившееся тройное деление в образовании, которое снова и снова появляется у Платона. Вероятно, нам следовало бы отметить этот вывод, поскольку существует некоторая временная разница между этими двумя авторами конца V в. до н.э.

Другие авторы IV в. до н.э. принимают тройное деление образования как должное. Ксенофонт утверждает в «Лакедемонской политике» (1.10), что в других греческих городах-государствах родители посылают мальчиков к наставникам, чтобы изучать грамматику, музыку и то, что предлагают в палестре. Аристотель, осуществляя свой анализ (Pol. 1337b23ff.), следует той же схеме – грамматика, гимнастика, музыка – за исключением того, что он добавляет рисование (*graphikê*), инновационность чего, по-видимому, игнорируют его современники, а позже разделяет только философ Телес Мегарский (сер. III в. до н.э.)¹. Нет оснований полагать, что тройное деление образования полностью вытеснило двойное – отсыл Эсхина к закону, разделяющему образование на две части, подразумевает, что он все еще действовал в 340-х гг. Но в течение IV в. до н.э. тройное деление стало все более распространенным явлением.

В то же время мы все чаще находим элементы образования, обсуждаемые отдельно и даже с оттенками взаимной неприязни. Уже где-то в конце V в. до н.э. начинает проявляться, если еще не вполне явно, то уже весьма остро, разрыв между культурой и физическим воспитанием. Чтение букв полагали тогда в одном ряду с *mousikê*. В редких упоминаниях о «прежних временах» начала и середины V в. до н.э. музыка и грамматика обычно упоминаются вместе, как если бы они были взаимодополняющими элементами одного явления. В четвертом столетии до нашей эры мы находим первые ссылки отдельно на музыку и на грамматику. Школа Сократа в «Облаках» является намеком на то, что это разделение должно произойти². В «Протагоре» (326cff.) и «Евтидеме» (276a) грамматика и игра на кифаре

¹ Stobaeus, *Flor.* 98.

² Фрагмент из Софокла (*P. Оху.* 1083.1), в котором хор сатиров расхваливает свою пригодность для женитьбы на дочери царя: участники воспитаны не только в играх, поэзии, музыке и танцах (обычные компоненты музыки и гимнастики), но также в науке и учености, которые, очевидно, ощущаются как отделенные друг от друга. Неясно почему: потому, что они не являются стандартной частью образования или потому, что они являются отдельной его частью? Коммуникативные способности охарактеризованы как «словесная борьба» и альтернатива в сравнении с физической доблестью (особенно у софистов и авторов IV в. до н.э.). См.: D. O'Regan, *Rhetoric, Comedy and the Violence of Language in Aristophanes Clouds* (Oxford, 1992), pp. 11–17, 39.

упоминаются вместе, но в отдельности от гимнастики. В «Государстве» чтение, поэзия и музыка обсуждается по-отдельности, но резко выделяется гимнастика (376e1ff.). Исократ в «Антидосисе» (266–7) упоминает о грамматике и музыке среди интеллектуальных предметов, которые он выделяет как особую группу из гимнастики. Из этих авторов только Платон выражает интерес к физической культуре, но даже он не является сторонником современного ему культa атлетизма.

К началу эллинистического периода эта тенденция продолжает развиваться до такой степени, что «музыкальная сторона» рассматривается уже как полностью автономное и отдельное от гимнастики измерение образования. К тому времени музыка и чтение букв в значительной степени расходятся. Мы видим, как у Платона, Ксенофонта и Аристотеля буквы занимают место рядом с музыкой и грамматикой и что в «Государстве», «Законах», «Политике», в «Антидосисе» Исократ они рассматриваются как отдельные элементы общего культурного или интеллектуального образования. В самом конце классического периода, если можно доверять более поздним оценкам, мы обнаруживаем контраст не между музыкой и гимнастикой, а между грамматикой и гимнастикой¹. В эллинистический и более поздние периоды практическая музыка (за исключением изучения гармонии) больше не является частью литературного образования, основанного на грамотности.

Каковы же другие элементы «интеллектуальной» или «культурной» стороны образования в этом развитии? Наши сведения скудны. Учебный план сократического фронтистерииона в «Облаках» (143ff., 637871) представляет собой смесь всех доступных в Афинах того времени наставлений софистов, включая естественные науки, математику, геометрию, астрономию, литературоведение, метеорологию, грамматику, ритмику, диалектику и риторику². Ни в каком другом источнике нет предположения, что либо нормально или даже возможно перепробовать все эти дисциплины, либо какая-то из них является обычной или необходимой частью обучения свободного гражданина (*eleutheros*), наподобие того, как были музыка и гимнастика.

¹ Плавт *Bacch.* 420ff., вероятно, после Менандра. Остальная часть описания очень похожа, например, на Эскина *Tim.* 9–11. См.: Плутарх, *Eumenes* 1. Аристотель заявляет (*Poet.* 6.1450b18–19), что предпочитает чтение драмы ее просмотру.

² См.: G.V. Kerferd, *The Sophistic Movement* (Cambridge, 1981), pp. 34–41 и 42ff. Хотя он настаивает, *Pl. Protag.* 318d7ff. слишком далек от выведения учебных программ софистики. Фрагмент не только многозначен, но и лучше подходит другим доказательствам, если воспринимать его как риторическую гиперболу.

Большинство софистов практиковали только одну или две дисциплины, и обеспеченное меньшинство молодых людей, закончивших освоение музыки и гимнастики¹ и обладавших интеллектуальным потенциалом, как правило, примыкали к одному или двум преподавателям для освоения какого-либо понравившегося курса. Нет даже никаких доказательств того, что в это время риторика повсеместно преподавалась для обеспеченных людей, в отличие от той центральной позиции, которую она в дальнейшем достигла в общем содержании образования (*enkyklios paideia*).

Исключением в этой неупорядоченной картине была, вероятно, математика. Среди нелитературных, научных аспектов образования наше невежество в математике и математическом образовании классического периода представляет собой отдельную проблему. Отсылы к математическому образованию за пределами «Облаков» и «Государства» и «Законов» Платона редки, но, вполне вероятно, что там, где есть знание букв, есть и знание цифр. Счет слишком полезен и слишком тесно связан с практическими функциями грамотности, чтобы не идти рука об руку с нею, и я не знаю примера грамотного общества, которое не умело бы читать или писать числа. «Облака» искусно иллюстрируют этот парадокс. Когда в начале пьесы Стрепсиад делает свои умозаключения, нет никаких упоминаний о том, что «старое образование» включало в себя математику, а математика, которая давалась в школе Сократа, очень высокого уровня и профессиональная. К сожалению, не присутствует математика и в обсуждении образования в конце «Политики» Аристотеля. Даже Платон в большинстве диалогов не отсылает к обучению математике, за исключением упоминания о нескольких софистах (например, *Protag.318e-19a*). В «Государстве» (536d-e) он утверждает, что все дети, согласно его педагогической утопии, будут изучать элементарную арифметику в младенчестве. Ранее, в 522b-c, платоновский Сократ включил математику как дополнение к физическому и литературному образованию, чем удивил своего собеседника, который не смог думать ни о чем, что не было охвачено этими двумя предметами, и явно не рассматривал математику. Подразумевается, что математика не была регулярной частью афинского образования. Известная математическая иллюстрация в «Меноне» демонстрирует не то, что элементарную математику регулярно учили, а только то, что ее знали немногие.

Среди разрозненных и неполных ссылок, кроме уже упомянутых работ, есть «Антидосис» (259–61 и 266–7), где Исократ пишет, что

¹ Plato, *Protag.* 318e-19a: Софисты учат технэ тогда, когда молодые люди думают, что они сбежали от обучения технэ.

астрономия, геометрия, чтение, музыка и многое другое, хотя и не настолько полезны, насколько заявляют учителя, тем не менее тренируют ум и потому являются хорошей основой для риторики. Эти отрывки почти уникальны. Тем не менее вполне вероятно, что именно Исократ в этом вопросе демонстрирует реальную практику. Это утверждение может быть столь же неоправданно. То же самое наблюдается в работах об эллинистическом и римском образовании: ссылки на математику встречаются редко и ее обсуждения коротки, хотя они и фигурируют в кратком изложении учебного плана (*enkyklios paideia*)¹. Тем не менее можно предположить, что математика стала важным дополнением к обучению грамоте: в папирусах школьных текстов греко-римского Египта, имеющего ту же самую систематику образования (те же элементы в том же порядке), что и в «высоких» сочинениях того же периода, математические школьные тексты не только появляются, но их столько же в папирусах, сколько всех художественных текстов вместе взятых². Вероятное объяснение такого несоответствия между литературными текстами, молчащими об изучении математики, и папирусами состоит в том, что математика пала жертвой отдельных сохранившихся сочинений по теории образования. Большинство письменных источников по образованию вышли из-под пера софистов или философов, интересовавшихся литературной критикой, ораторством или философией. Вероятно, они имели в виду математическое образование как нечто само собой разумеющееся; они время от времени упоминают о нем, но у них нет профессионального интереса или опыта, поэтому они никогда не обсуждают его подробно. К сожалению, у нас нет работы афинского математика, которая бы включала описания начального математического образования, если оно когда-либо существовало³. Вместе с тем не стоит думать, что математику не преподавали. Следует предположить, что она существовала вне обычной систематики обучения грамотности в классический период, как это и было в дальнейшем. Вероятно, в начале V в. до н.э. она, подобно чтению и письму, имела репутацию

¹ Напр., Philo, *De Cong.* 2518; Quintilian, *I.O.* 1.10.34ff. Обратим внимание, что оба автора сосредоточены на духовных преимуществах геометрии и астрономии.

² Нет полного каталога математических школьных текстов, но многие из них включены в работу G. Zlateo, 'Papiiri scolastici', *Aegyptus* 41 (1961), 160–235 и *MPER n.s.* XV.

³ Евклид не в счет, хотя он, по крайней мере иногда, использовался в образовании (напр., P. Mich. 3.143: bk.1 определения 110 [III в. н.э.]). Евклид являлся полезным материалом, но он не размышляет о математике и не обсуждает ее.

практического навыка, а не того, который бы имел широкий культурный подтекст, и, следовательно, не была тем, что предлагалось к обсуждению в сохранившихся источниках.

Таким образом, мы определили два направления в образовании в начале V в. до н.э.: музыка и гимнастика, ни одно из которых не требовало, чтобы обучающиеся были грамотными. Однако, возможно, в первом направлении грамотность могла преподаваться для практических целей, хотя мы не имеем возможности судить, насколько глубоко. Наши самые ранние индикаторы того, что знание букв, грамматика и чтение начали бросать вызов пению и декламации в *mousikè*, пришли от Аристофана. К началу IV в. до н.э. процесс ускорился настолько, что образование обычно описывалось в трех частях: гимнастика, музыка и грамотность. Помимо сокращения доли того, что мы должны назвать «музыкальным элементом» чтения и декламирования литературных текстов, и того факта, что грамматика включала в себя начальный этап обучения чтению и письму, по-видимому, еще и не существовало четкого различия между *grammata* и *mousikè*. Это различие зависело, скорее, от количества прочитанного и указывало на то, что грамотность тогда становится все более важной для «культурной стороны» образования. Было бы опрометчивым предположить, однако, что к четвертому столетию до н.э. чтение было единственной или даже главной целью распространения грамотности в любой части общества. Теперь подробно рассмотрим то, что было описано как использование грамотности среди образованных.

Применение образования, основанного на грамотности. Наиболее очевидным стимулом к распространению грамотности в Афинах классического периода была демократия, а за ее использованием стояла власть¹. Афиняне использовали письменное слово в храмах, на народном собрании (*boulè*) и в судах: чтобы размечать границы, публиковать законы и подвергать гонениям политиков; чтобы писать посвящения, контракты, счета, фиксировать финансовые операции и дань от союзников; чтобы обеспечить личные, профессиональные и дипломатические отношения. Свидетельства всего этого и многого другого вокруг нас в форме надписей и текстов². Поэтому странно, что в учебных пособиях так редко упоминаются многие практические или политические способы использования грамотности.

¹ Отличие между практическим и культурным использованием образования не означает, что культура нефункциональна.

² Harvey (см. сноску выше); Thomas R. *Oral Tradition and Written Record in Classical Athens* (Cambridge, 1989).

Аристофан дает редко встречающийся прямой комментарий о связи между грамматикой и демократией. Во фрагменте из «Всадников» продавец колбасы, под нажимом раба Демосфена вынужденный войти в политику, говорит, что он не силен в *mousikê* – едва умеет читать – и уверен, что *mousikê* не так уж необходима, чтобы управлять современным государством (188-93). Из этого фрагмента мы узнаем, что чтение является частью *mousikê*, но Аристофан не говорит, что именно грамотность нужна дабы управлять, а тем более играть любую другую роль в демократии. Вся *mousikê*, как говорит Демосфен, необходима для управления государством. В данном контексте, если бы грамматика была ключевым элементом *mousikê*, Демосфен убедил бы колбасного продавца в том, что знания букв – это уже достаточное знание, а не говорил, что в современных реалиях не нужно никакой *mousikê* для управления государством. Демосфен обращается к тому времени, когда в демократии доминировали высококультурные люди – такие аристократы, как Перикл, но устанавливает, в лучшем случае, слабую связь между демократией и грамотностью.

В «Лисиде» Платона Лисид изображается читающим и пишущим для своих родителей (209b), сочетая практическое и культурное. В «Законах» грамотность преподается всем, по-видимому, потому, что она носит политический характер (например, 810a). Ксенофонт подразумевает, что образование имеет политические последствия в «Лакедемонской политике» (1.10), но он не разъясняет их, просто подмечая, что грамотность включена в образовательную практику большинства государств. В «Воспоминаниях о Сократе» Сократ высмеивает Евтидема за собирание книг для личной библиотеки и за рассуждения о важности самообразования. Что, спрашивает Сократ, он собирается выучить из книг? Медицину? Математику? Архитектуру? Астрономию? Декламацию? (4.2.9ff.). Это означает, что к 350-м гг. считалось целесообразным использовать книги для обучения практическим или профессиональным навыкам¹, но Сократ считает, что Евтидем не может научиться из книг тому, что ему больше всего нужно, а именно – добродетели. В «Домострое» (9.10) грамотность рассматривается Ксенофонтом как неотъемлемая часть домашнего менеджмента, хотя речь идет о домохозяйствах аристократов, описанных в идеалистических терминах².

¹ Хотя Аристотель отрицает это в NE. 118blff.

² Об (атипичном) образовании жены Исхомаха и об образовании женщин в целом см.: SB. Pomeroy, *Social and Historical Commentary on Xenophon Oeconomicus* (Oxford, 1994), pp. 38-9, 267-9; S.G. Cole, 'Could Greek women read and write?' в H. P. Foley (ed.), *Reflections of Women in Antiquity* (New York, 1981), pp. 219-46.

В «Политике» у Аристотеля грамматика, наряду с рисованием (*graphikê*), «полезна для жизни» (1337b23ff.). Наличие умения рисовать, которое Аристотель впоследствии восхваляет за его роль в нашей возможности лучше оценивать произведения искусства (1337b25ff.), скорее, подрывает практико-ориентированность этого утверждения о полезности. В 1338a 6ff. все много лучше, поскольку там грамматика оценивается как полезная для управления домохозяйством (*oikonomia*), дисциплинирования мышления (*mathêsis*) и для разнообразной гражданской деятельности (*politikai praxeis pollai*). Первое утверждение в 1337b23ff. подтверждает заявление Ксенофонта о том, что грамотность полезна для управления домохозяйством, но ее масштаб все также ограничен; последнее (1338a 6ff.) – является редким прямым заявлением из наших источников о политических функциях грамотности. Аристотель признает, однако, что, хотя образование вне зависимости от государственного устройства должно быть как государственным, так и общим для всех, оно не является ни общим, ни государственным в современных ему Афинах (1337a22ff.). Поэтому, хотя утверждение Аристотеля о полезности письменных документов для политики и звучит ободряюще, мы не знаем, ни насколько важными он их мыслил для демократа IV в. до н.э., насколько политически активных он хотел бы видеть грамотными.

В целом в литературе об образовании не так много ссылок на использование грамотности на региональном уровне и еще меньше ссылок на варианты ее политического применения, ни один из которых нельзя напрямую связать с политической ситуацией в Афинах того времени¹. Для многочисленных предположений о таком

¹ Три мифа об изобретении алфавита, распространенные в V и IV вв. до н.э., одинаково подчеркивают практическое использование письменности (*Gorgias, Pal 30 / Stobaeus, peri grammaton 7, Aesch, P.V. 459-62, Pla Phaedr., 274d1-2*). Это свидетельствует о том, что отсутствие практического использования грамотности в учебных текстах не отражает отношения общества в целом. Многие утверждения о практическом использовании грамотности можно найти в школьных текстах на папирусах: напр. *P. Bour. I; Mon. Epiph. 2.615; D. Hagedorn, M. Weber, 'Die Griechisch-Koptische Rezension der Menandersentenzen', ZPE3 (1968), 1550* (несколько цитат). Знание букв может быть помощью в жизни, средством к существованию, источником богатства, а также мудрости. Многие из этих цитат, безусловно или предположительно, взяты из утерянных новоаттических комедий. Однако нет оснований предполагать вместе с von Schmitter (см. сноску выше), pp. 276–89, что такие тексты зависят от степени грамотности во всей их аудитории, а тем более у A. Burns ('Athenian literacy in the fifth century B.C.', *JHI 42 [1981], 371–8*), что разбросанные ссылки на письма в источниках V в. до н.э. указывают на грамотность подавляющего большинства афинян с конца VI в. до н.э.

использовании в законодательстве, дипломатии, торговле, административной власти и т.д. (которые мы делаем отчасти априори, а отчасти на основе речей, надписей и других археологических материалов), нам необходимо вернуться к выводам на основе статистических оценок уровня грамотности. В этом направлении уже проделана большая работа, и я не буду здесь ничего добавлять¹. Вместо этого я перехожу к тому положительному, что способны рассказать источники.

Большинство авторов проявляют живейший интерес к культурному использованию грамотности. Мы уже видели, что грамматика, музыка и гимнастика характеризовались как образование свободного человека и гражданина, а грамотность в IV в. до н.э. описывали как обычное подготовительное чтение поэтов или других авторов. У Аристофана есть на это намеки, но в четвертом столетии ссылок становится больше. Платоновский Протагор начинает свое описание образования (скорее всего, современное Платону, а не самому Протагору) с детей, заучивающих буквы и изучающих произведения великих поэтов с целью научиться читать, запоминать и повторять (*Protag.* 325e-326a). Исократ одобряет такие элементы пайдеи, как обучение чтению, письму и чтение литературных произведений на том основании, что они усиливают способность ученика к изучению ораторского искусства (*Antid.* 259-67). Этот отрывок также примечателен предположением, что изучение букв и другие элементы начального образования вызывают когнитивные изменения у ученика, повышая его склонность к ораторскому искусству. Идее об обеспечивающей когнитивные изменения грамотности еще предстояло прожить долгую историю внутри эволюции педагогических теорий, четвертое столетие до нашей эры увидело лишь ее первое ясное толкование. В «Против софистов» (10ff.) Исократ сетует на то, что софисты путают логос с грамматикой, указывая, что, по крайней мере, в некоторых кругах грамотность его времени считалась необходимым предварением для разговора или рассуждения любого рода². Аристотель говорит то же

¹ K. Robb, *Literacy and Paideia* (Oxford, 1994); R. Thomas (см. сноску выше); W. Harris, *Ancient Literacy* (Cambridge, MA, 1989); M. Beard et al., *Literacy in the Roman World*, *JRA* suppl. 3 (Ann Arbor, 1991); A.E. Samuel, *The Shifting Sands of History* (London, 1989), p. 35.

² Исократ должен был иметь в виду под *grammata* не только способность говорить, но и «грамотность». Грамматика не используется в устной речи, за исключением редких случаев в обсуждениях грамматической теории. Все могут говорить, и софисты не учат говорить в обыденном, нетехническом смысле, поэтому вопрос не имеет смысла, если не проводится различие между образованием на основе грамотности в целом и аргументированным дискурсом в частности.

самое, когда заявляет (*Pol.*1338a16ff.), что грамматика полезна, среди прочего, и для дисциплинирования мышления – т.е. для остальной части образования. Хронологическое развитие в этих отрывках очевидно: начиная с V в. до н.э., когда у изучения букв нет особых последствий, через конец V в. до н.э. и начало IV в. до н.э. где, как говорят, грамотность ведет к чтению литературных произведений, и к середине IV в. до н.э., где обучение чтению вообще и чтению художественных произведений, в частности, являются необходимыми подготовительными мероприятиями для целого ряда интеллектуальных и политических исследований.

Вместе с тем такая подвижка была одобрена далеко не всеми. Приязание грамотности на вхождение в состав культуры вызвало некоторую критику и, в том числе, со стороны многих из тех авторов, которых мы уже упоминали. В V в. до н.э. математику Энопиду приписывалось мнение о том, что знание должно находиться в сердце, а не на книжной полке¹. Антисфен в конце пятого или в начале четвертого столетия до н.э. воспользовался возможностью наставить друга, который потерял свои «памятные записки» (*hupomnēmata*), сказав ему, что знание должно быть вырезано на душе, а не на табличках². Сократ проделал то же самое с Евтидимом³. Платон предпочитает учиться устно, читая тексты с помощью учителя, и посвящает часть «Федра» этому вопросу⁴. В «Законах» всеобщая грамотность воспринимается как нечто само собой разумеющееся, но Платон не дает никаких указаний на то, что какой-либо из последующих этапов обучения осуществляется через письменное слово. Даже о самом продвинутом уровне, где трудно представить иной вариант, он такого не говорит. В «Государстве» он даже не побеспокоился о законодательной базе для грамотности, хотя трудно представить себе, по крайней мере, правителей-философов, обучающихся без нее⁵. Ксенофонт, пребывая в архаистическом и идеалистическом настроении в «Киропедии», подчеркивает, обучение Кира справедливости, самоконтролю и физической подготовке, игнорируя его грамотность (13.11). В другом сочинении он утверждает, что

¹ Diels-Kranz 1.41.4

² Diogenes Laertius 6.5.

³ Xen. Mem. 4.2.9-10.

⁴ Хотя для точки зрения, что Сократ только предостерегает относительно чтения, а не осуждает его, см. G.R. E Ferrari, *Listening to the Cicadas* (Cambridge, 1987), ch. 7; *Leg.* 810e-811b: «Те, кто много слышал, многое знают».

⁵ Возможно потому, что он не заинтересован в образовательном мастерстве, только в той добродетели, которую продуцируют философы-правители, а чтение и письмо морально нейтральны; см.: J. Annas, *An Introduction to Plato's Republic* (Oxford, 1981), pp. 83ff.

буквознание софистов не обладает способностью порождать добродетель (*Syneget.* 13.1-3), хотя они на этом и настаивают.

Возрастающее опосредование культуры через написанное слово не было, конечно, универсальным, неумолимым или абсолютным, как это иногда представляют критики. Поэзия продолжала исполняться и звучать публично и частным образом вплоть до конца античности¹. Учителя не отошли от дел и, вероятно, устарели не более чем от информационных технологий или дистанционного обучения. Но некоторые ясно ощущали необходимость протеста, и самое поразительное в этих протестах – это личности протестующих. Все дошедшие до нас возражения против стремительного распространения чтения принадлежали интеллектуалам и/или аристократам. Но в других местах своих же работ они выступают за распространение грамотности и то, чему они утверждают, что учат или знают без помощи письменности, во многих случаях является чем-то чрезвычайно усложненным и специализированным. В подавляющем большинстве случаев так происходит, вероятно, потому, что сами авторы были высоко грамотными, и многие, если не все обсуждаемые ими предметы преподавались, по крайней мере, с помощью письменного слова². Почему же они иногда так яростно критикуют письменность?

¹ Исократ, который в других фрагментах хочет подчеркнуть важность грамотности, может продолжить говорить в речи «К Никоклу» (11-14) о слушании поэтов, которые научат будущего правителя тому, что ему нужно выучить. О сохраняющейся важности устных и личных взаимоотношений в обучении в четвертом веке см. Robb (см. сноску выше), pp. 197ff., 214. Скептицизм по отношению к письменному слову и педагогическому тексту все еще был жив в римский период (L. Alexander, 'The living voice', in D. Clines et al. [edd.], *The Bible in Three Dimensions*, JSOT suppl. 87 [1990], 221–47). Таким же образом не была новой для классического периода идея о том, что поэзию можно слушать и декламировать, но и. Скорее всего, мы располагаем в письменной форме значительным количеством поэзии до V в. до н.э., начиная с Гомера. Кампания Писистрата по обучению афинян, согласно Платону, включала не только принуждение рапсодов выступать с чтениями Гомера на Панафинейских играх, но также возведение за городом, в сельской местности герм с нравственными максимами на них. Вазы начала V в. до н.э. демонстрируют читающих людей; там, где написанное расшифровывается, это почти всегда поэзия (H. Immerwahr, 'Book rolls on Attic vases' // *Classical, Mediaeval and Renaissance Studies* 1 [1964], 17–48; Idem. 'More book rolls on Attic vases' // *Antike Kunst* 16 [1973], 143–7). Ссылки на доклассическую литературную критику предполагают нечто написанное. См.: Марру (см. сноску выше), pp. 41–3; Pfeiffer (см. сноску выше), pp. 3–15.

² Возможно, это не добродетель, по крайней мере, по их собственным утверждениям, но, скорее всего, математика, ораторское искусство и т.д.

Объяснения всех этих неожиданных и внешне противоречивых явлений (акцентуации на культурное использование грамотности в ущерб практическому, все более широкому использованию грамотности в образовании, сопутствующей такому применению подозрительности) могут найтись в контексте появления таких пассажей. Они возникают в трудах по политической теории: «Государстве» и «Законах» Платона, «Политике» Аристотеля, «Киропедии» Ксенофонта, «Панегирике» и «Ареопагитике» Исократ. В этих сочинениях образование представлено как подготовка к политической жизни, и дисциплины, поставленные на вершину образовательной лестницы, всегда являются важнейшими для политического лидерства: в случае Платона и Аристотеля – это философия, в случае Исократ – риторика. Поэтому относительная ценность разных учебных дисциплин связана с человеком, который их изучает, и его положением в государстве. У всех этих авторов культура грамотности принижена по сравнению с другими дисциплинами, чтобы они казались более трудными для достижения и доступными для меньшего числа обучающихся.

Критикуя основанные на грамотности образование и культуру, т.е. обучение грамоте и письменной культуре, авторы руководствуются одной из двух линий. Первая – раздуть определение культуры. К середине IV в до н.э. мы находим у Исократ и Аристотеля слова о грамотности и чтении, не как о чем-то неважном, но как о единственном необходимом условии, предворяющим более продвинутое формы обучения. В то же время они отрицают, что риторика, философия и т.д. могут быть изучены любыми способами, *отличными от* образования на основе грамотности. Другими словами, для того чтобы считать себя культурно образованным, ученик должен быть грамотным, но грамотность и чтение сами по себе больше не достаточны для того, чтобы составить образование. Ученик должен переходить к более высоким формам, чтобы считаться действительно образованным¹.

Исократ и Аристотель формируют свои идеи в разных литературных формах: Исократ в опубликованных речах, а Аристотель в «Политике». Тем не менее их предписания не сильно отличаются друг от друга, и мы можем объединить их аргументы на том основании, что они оба заинтересованы в том, как все должно быть при идеальной демократии – не в виде утопии и не в том виде, как это есть в Афинах того времени. Эффект их предписаний сводится к ограничению доступа

¹ В то же время просто способность читать и писать была принижена как навык, и мы располагаем такими комментариями, как «он едва может читать», что означает «он грубиян», и «он либо мертв, либо учитель грамоте» (Booth A.D. 'Some suspect schoolmasters' // *Florilegium* 3 [1981], 1–20.)

к образованию на двух основаниях – на основании способностей и на основании обеспеченности. Оба говорят, что, как им очевидно, ученик должен обладать высокими способностями завершить образование. Способный, однако, будет выбран из богатых, потому что ни один из этих авторов, даже рекомендуя государству организовывать образование, никогда не предлагает бесплатного образования¹.

Итак, по мнению Аристотеля и Исократ, культурное использование образования не является альтернативой практическому. Оба автора глубоко практичны в политическом контексте, потому что они вооружают индивидуумов на выступление в качестве политических лидеров, но они изображают практическое обучение на более высоком уровне, чем требуется для подписания документов, голосования или ведения счетов. Оба автора, как политические теоретики, стремятся руководить теми, кто в рамках демократии имеет доступ к политической власти. Оба используют культурное образование в качестве механизма регулирования, утверждая образование в качестве необходимого инструмента политического лидерства, и открывая доступ к нему лишь для тех, кто богат, способен и образован. Согласно схеме Аристотеля и Исократ, простое умение читать и писать ни к чему не приведет в политике. Они оба пытаются сохранить власть небольшой группы людей, власть, которую оба же хотят почерпнуть из грамотности. Оба разделяют мнение (давно известное в Афинской политике) о том, что в рамках демократии государством лучше управляет немногочисленная социальная и интеллектуальная элита.

То, как Аристотель и Исократ формулировали иерархии учебных дисциплин, имело более широкие последствия, чем их непосредственный политический контекст. Они впервые выстроили из них образовательную систему, в которой грамотность является основополагающей, греческая литература и литературная культура – существенной, а политическая сила – конечной целью. У Исократ она выражена наиболее четко. В «Антидосисе» (296-7) он пишет – «никогда не забывайте, что наш город считается наставником всех способных ораторов и учителей...» – на том основании, что Афины предлагают честолюбивому оратору лучшую интеллектуальную среду в Греции, самый острый язык и самые широкие возможности попрактиковаться и преуспеть в публичных выступлениях. В «Панегирике» (51) эта идея представлена несколько иначе: «Наш город настолько опередил весь остальной человеческий род в мысли и речи, что его ученики стали учителями других, а само имя «грек» относится уже более не к народу, а к образу мысли,

¹ Pol. 1337a11ff.; Antid. passim.

и скорее назовут «эллинами» тех, кто разделяет наше образование, нежели людей одного с нами происхождения»¹. В этих фрагментах Исократ не просто причисляет культурное убранство к его собственным достижениям или достижениям его города. Он утверждает для самого себя и для Афин: политическое господство, прежде всего, основано на системе грамотного культурного образования. Впервые грамотность и политика не просто сосуществуют или соотносятся, а оказываются прочно и неизбежно связаны между собой.

Реакция Платона на рост грамотности иная, но не менее полемичная². Вместо того чтобы все больше перемещать образование и культуру в плоскость элитарной деятельности, Платон отрицает способность текстов чему-либо учить: все, что необходимо учащемуся для познания таких важных вещей, как добродетель – это авторитетный учитель. На первый взгляд, такая схема менее элитарна, чем у Аристотеля или Исократа, но на практике – наоборот, еще более элитарна. Поскольку наставление в добродетели, которое описывает Платон, по сути, требует высокой степени грамотности и высокоинтеллектуального предварительного образования. Более того, Платон считал лишь немногих учителей авторитетными учителями добродетели (возможно, только Сократа, самого себя и некоторых своих последователей) и, исходя из того, что мы знаем о принятых ими в обучение (и особенно учениках Академии), этот образовательный проект был каким угодно, но только не демократическим.

Эти оба подхода (Аристотеля/Исократа и Платона) к образованию и политике имеют смысл в связи с образовательным фоном пятого и четвертого столетий до н.э., когда грамотность все более широко использовалась в общественной жизни и неуклонно распространялась среди все более разных слоев населения³. Существуют

¹ В данной цитате, как и в предыдущей, в русском переводе мы следуем английскому варианту автора данной статьи. Он ближе переводу К.М. Колобовой (1), чем Э.Г. Юнца (2), см.: Исократ. Панегирик, 50 // 1) Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Речи. – М.: Ладомир, 2013. С. 54; 2) Ораторы Греции. – М.: Худож. лит., 1985. С. 45. – *Прим. пер.*

² Хотя «Государство» и «Законы» имеют много общего с некоторыми из предписаний Аристотеля или Исократа и/или обоих, а также, возможно, вдохновили их.

³ Обратим внимание, что противоречивые мнения часто высказываются одними и теми же авторами в разных контекстах, отражая смятение и расхождение во мнениях в обществе в целом. См.: Eurip. fr. 370 Nauck – от автора, которого Аристофан характеризует как представителя ярких адептов нового образования. Солдат, возвращаясь с войны, ждет старости, которую можно будет провести, «озвучивая таблички, которые цитируют мудрецы».

многочисленные свидетельства увеличивающегося использования письменности во всех аспектах жизни этого периода. Аристофан шутит о росте культурного чтения. Наши свидетельства относительно библиотек и книжной торговли скудны, но есть все же признаки того, что в конце пятого и четвертого столетий до н.э. и то и другое возрасало¹. Росло также число письменных контрактов, закладных, письменных ходатайств в суде, а в публичных архивах расширилось как количество, так и диапазон хранимых материалов. Государственный деятель и оратор Ликург, отвечавший за государственную казну с 338 до 326 г., имел первые официальные копии великих драм, переданных в государственные архивы, поскольку актеры были вынуждены сверяться с ними до постановки новых пьес².

Боле того, грамотность, скорее всего, растет среди простых людей, в лице которых, по мнению большинства литературных источников, составленных, прежде всего, аристократами, олигархами и интеллектуалами, чувствуется самая серьезная угроза. Многочисленные исследования³ показали, что политически влиятельные люди в конце пятого и четвертого столетий до н.э. происходили не из бедняков, а из среднего класса или из богачей, а зачастую и из нуворишей⁴. Данный период характеризовался существенной и подкрепленной богатством социальной мобильностью. При этом многие семьи приходили к (обычно быстрой) политической известности после того, как два

¹ Ar. *Frogs* 943, 1114, см. Harris (см. сноску выше) p. 87; *Birds* 1288; Xen. *Anab.* 7.5.14 похоже, относится к судам, как обычно перевозящим много книг; в пятом и четвертом веках, см. краткое изложение F.G. Kenyon, *Books and Readers in Ancient Greece and Rome* (2nd edn, Oxford, 1950) и E.G. Turner, *Athenian Books* (2nd edn, London, 1977).

² Thomas (см. сноску выше), pp. 38–42. Обратим внимание также на усиление авторитета письменного текста. Об аристотелевском чтении см.: Strabo 13.608; Pfeiffer (см. сноску выше), p. 67; Eupolis fr. 304KA (Lewis [см. сноску выше], p. 74).

³ Напр., Davies J.K. *Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens* (New York, 1981); Hansen M.H. *The Athenian Democracy* (Oxford, 1991), pp. 266ff.; Boeckh A. *The Public Economy of Athens* (London, 1842), pp. 116–23.

⁴ Автор здесь использует французское словосочетание «nouveaux riches», обозначающее богатых выскочек, использующих быстро нажитый капитал для продвижения по социальной лестнице. В английском языке это словосочетание имеет отрицательную коннотацию и часто используется для того, чтобы подчеркнуть наличие денег и отсутствие культуры, воспитанности и образования. В русском языке оно имеет, скорее, нейтральную коннотацию и подразумевает подмечаемую окружающими предприимчивость, но Тереза Морган хочет здесь сделать акцент именно на спектре значений, сопровождающих это словосочетание в английском языке. – *Прим. пер.*

или три поколения делали деньги в торговле, производстве, банковском деле и тому подобных сферах. Нувориши как группа и являются наиболее вероятными претендентами на получение образования на основе грамотности. Это соответствует двум фактам: во-первых, такое образование было образованием, за которое нужно платить и которое было недоступно для бедных, а во-вторых – уровень грамотности в целом оставался очень низким в классических Афинах¹. Если бы такие люди приобрели политическое влияние и социокультурный арсенал элиты, сохранив при этом политические интересы и взгляды людей низшего социального статуса, нетрудно представить, что они не были бы любимчиками наших авторов. Им совсем не нужно было быть многочисленными (судя по источникам, так и было), чтобы распространить грамотность за пределами элиты, использовать ее как культурный и политический рычаг и навлекать тем самым на себя недовольство. В совокупности и их влияние на общество и политику было огромным, и реакция интеллектуальной элиты была сильной.

В основе всех сочинений IV в. до н.э. лежит предположение о том, что что бы ни случилось, грамотностью нельзя пренебрегать. У Исократ и Аристотеля это предположение выглядит как веское утверждение: необходимо быть грамотным, чтобы приобретать или практиковать даже такие навыки, как риторика, непосредственно не связанная с чтением или письмом. Такое развитие – помещение грамотности в подоснову всего культурного или интеллектуального образования – имеет решающее значение для истории образования². Трудно как оценить и датировать, так и утверждать бесспорное наличие того, что полностью не сформировалось, полностью не победило, но его важность трудно переоценить. Это был один из факторов, который позволил наполнить смыслом культурное сообщество эллинистического, а позднее римского мира, несмотря на все границы пространства, времени, общества и этнической принадлежности.

¹ Harris (см. сноску выше), pp. 3–24.

² Об Исократе как «античном авторе, который больше любого другого утверждает письмо как средство политического выражения и деятельности», см. дискуссию Y.L. Too, *The Rhetoric of Identity in Isocrates* (Cambridge, 1995), ch. 4. Cf. Pl. *Phaedr.* 264b7ff., где организация речи описывается как упорядоченная по логографической необходимости – требования правильной речи завязят от письменности. Этот принцип подразумевается, хотя и не оговорен в явном виде, во всей риторике Аристотеля, где надлежащая речь характеризуется как продукт образования (например, 1408a30ff.) и риторическое образование в значительной степени основано на грамотном грамматическом анализе языка.

Ирония в том, что в письменной традиции классического периода нет четких отсылов к текстам, используемым для обучения¹. Мы располагаем большим количеством фрагментов, где письменность считается первым шагом культурного образования и где чтение описывается как обучающее добродетели², практическим или профессиональным навыкам³, или как фундамент для последующего образования⁴. Все это были предметы, которые в греческом обществе традиционно преподавались устно и продолжают преподаваться устно в пятом и четвертом столетиях до н.э. Но хотя мы видим, что люди читают тексты для самосовершенствования, мы никогда не находим, например, ни софиста, рекомендующего свои записи будущим ученикам, ни учителя (даже Исократа), прямо заявляющего об использовании записанных текстов в обучении⁵.

Нет никаких указаний на то, что во время, когда роль грамотности в культурном образовании начала возрастать (если это имело место примерно в середине V в. до н.э.), такое обучение само по себе считалось социальной или политической угрозой. Это неудивительно, поскольку чтение в то время было ограничено сравнительно небольшим числом людей; как мы предположили, расширения сферы чтения не было до конца V в. до н.э. Таким образом, рост культуры на основе грамотности и рост грамотности в целом можно рассматривать как два отдельных события, одно из которых, в основном, ограничено элитой, а другое – имело более широкие границы. Но как только

¹ В частности, мы не знаем, использовали ли софисты тексты, которые они писали, для обучения. Имеющиеся несколько описаний софистического обучения всегда устные: см. W.K.C. Guthrie, *The Sophists* (Cambridge, 1971), pp. 41–4; Kerferd (см. сноску выше), pp. 28–33, хотя его заявление – «ясно, что примеры речей... были предоставлены для учеников, чтобы они обучались и подражали» – это только предположение. Хуп. *Mem.* 4.2.9ff. (см. сноску выше) подразумевает, что учебники использовались для обучения, но у Arist. *NE.* 1181blff., напротив, мы не находим, что люди становятся опытными врачами, читая медицинские справочники; они полезны только тем, кто уже является опытным.

² Plato, *Protag* 325aff; *Hipparchus* 228b–229a; Xen. *Syneget.* 13; такой смысл подразумевается в образе Исократа, посылающего «письма» морального наставления (в высшей степени афористические по форме) Никоклу, подданным Никокла, и Демонику.

³ Xen. *Mem.* 4.2.1.

⁴ Isoc. *Antid.* 259ff; Arist. *NE.* 1181b9ff.

⁵ Две анонимные технэ конца пятого или начала четвертого века, «*Воздухи, Воды, Места*» и «*Аноним Ямвлиха*», могут указывать на то, что тексты уже использовались для обучения: они разделяют возможное неоригинальное открытие: «Кто хочет учиться... пусть учится...» (Cole [см. сноску выше], p. 86).

связь между чтением и культурой появилась, она могла использоваться кем угодно (как распространение грамотности). Соответственно, в начале IV в. до н.э. мы наблюдаем внезапное повышение интереса интеллигенции и аристократов к статусу образования, полученного из текстов, что в некоторых кругах приводит к обесцениванию определения культуры, а в других – вообще к утверждениям о неважности образования на основе чтения. Как мы можем предположить, те, кто все больше читал в культурных целях, начали претендовать на статус элиты и, что еще хуже, ее политический авторитет. По сути, проблема заключалась не в бесконечном расширении: после IV в. до н.э. уровень грамотности не возрастал, а книжная культура и связанные с ней учебные дисциплины оставались прерогативой элит. Но на некоторое время, по крайней мере в начале IV в. до н.э., возникло впечатление, что грамотность и культура (а также статус и власть, которые она породила) могли оказаться под угрозой из-за перехода афинской политики в радикальную демократию.

Я начала со ссылки на значимость общелитературного образования в эллинистический и последующие периоды. Коалиция, созданная авторами IV в. до н.э. между писательскими, социальными, культурными авторитетами и политической властью, неизбежно имела широкие, а не локальные политические последствия. (Если она вообще имела какие-то существенные последствия в Афинах. Имелся всего лишь легкий намек, даже если бы времени было гораздо больше, о возвращении общественно-политической власти в Афинах интеллектуальным олигархам как результате деятельности Платона, Исократ или Аристотеля. За пределами Афин, конечно, их влияние было влиянием иной степени). Достижение эллинистических греков состояло в превращении грамотности и образования на ее основе в поощряемый государством инструмент общественно-политического регулирования, который питал бюрократию македонских царств и поощрял чувство социокультурной идентичности разрозненных народов. В демократических Афинах не было необходимости в таком инструменте. Афины были маленьким городом-государством, демократию можно было использовать в условиях ограниченной грамотности, и афиняне не страдали от кризиса внутренней идентичности. И хотя статус образования в ранних эллинистических государствах значительно изменился, его содержание и структурная классификация не изменились. К середине IV в. до н.э. все они были налицо.